

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Рассказ

Восемь человек, собравшиеся на экстренное совещание в кабинете заведующего отделением психиатрии, смотрели видеозапись.

На мониторе был виден небольшой аккуратный кабинет доктора Светланы Михалецкой. Камера располагалась в углу и была нацелена на кресло для клиента, где в данный момент сидел, наклонившись вперед и скрестив на коленях руки, средних лет темноволосый мужчина с хмурым и напряженным выражением лица. Хозяйка кабинета сидела напротив него за столом. На столе в футляре лежала темная продолговатая коробочка и обруч, чем-то напоминающий раритетные наушники.

– Игорь, я хочу вам предложить один приборчик. Он должен вам помочь определиться с ценностями вашей жизни.

– Приборчик?

– Он называется СОМ – Стимулятор Отыскания Мотиваций. Некоторые называют его СОМером, женщины иногда дают имя Сомик. Его разработали наши специалисты Института Психофизики. Не беспокойтесь, он совершенно безопасен и прост, мы неоднократно предлагали его нашим клиентам. Вот этот обруч – сканер сигма-волн – надевается на голову. Это – преобразователь...

– Для чего все это?

– Ваша цель на данном этапе – за что-то зацепиться в жизни, найти те опоры, которые станут для вас ценными, стержневыми. С помощью СОМера вы как раз сможете это сделать. Он определит ваши так называемые ЗЧ.

– Что это?

– Эта аббревиатура расшифровывается двумя одинаково верными способами – научным «зачетная частота» и бытовым «звездный час». – Светлана увидела недоуменное выражение на лице Игоря, и начала объяснять: – Если говорить простым языком, у каждого человека в жизни есть вещи, которые ему нравятся: увлечения, хобби. Отбросим от общего количества те интересы, что могут причинить неудобства или вред либо вам самим, либо окружающим. Отбросим хобби, которые продиктованы изменчивой модой или влиянием кого-то из вашего окружения. И останется у нас то, что будет являться правильным отражением вашего характера, вашей сути, то есть априори самое важное и ценное. Порой человек может сам обозначить такие вещи, особенно если они являются давно сформировавшимся увлечением, но бывает, что без подсказок сделать это непросто. Вот тут и приходит на помощь наш прибор. Кроме того, вспоминая попутно какие-то успешные моменты из своего прошлого, связанные с этими вещами, повышается ваша самооценка. Выделяя их, прибор помогает вам разглядеть ту самую опору, за которую стоит держаться, чтобы преодолеть нынешний трудный этап вашей жизни.

Сам по себе внешне прибор очень прост. Для пользователя на лицевой стороне у него есть переключатель двух режимов – настроенный и основной – и трехсекционный индикатор – синяя область, желтая и красная. Интуитивно понятно: синий сектор – реакции нет, желтый означает усиление сигма-волн, красный – та самая зачетная или, как еще говорят резонансная, частота. Вообще-то таких точек с фиксацией в красной области регистрируется очень мало, как и настоящих счастливых дней в жизни, и потому как-то само собой появилась вторая расшифровка: «Звездный Час». Большинству людей удобно работать с образами с закрытыми

глазами, поэтому показания индикатора дублируются звуковыми и вибросигналами. Ну, потом я все покажу...

При первом знакомстве с СОМером (переключатель ставим в настроечный режим) вы начинаете просто с образов. Это похоже на детскую игру «съедобное-несъедобное» по отношению к вашей натуре. Вы рисуете мысленную картинку и прислушиваетесь к ощущениям. Ну, например... Представили, допустим, какую-нибудь еду... ароматное дымящееся жаркое, потом еще что-нибудь... плещущиеся волны прибоя, танцующую девушку, идущую под парусами яхты, спортивный автомобиль...

– Ага... – Это была первая реакция пациента с начала объяснения Михалецкой.

– Если воображаемая картинка вам и вашему внутреннему «я» особенно близка, стрелка СОМера перейдет в желтую зону. Если этот образ вас не цепляет, стрелка останется на месте. Наберите побольше таких мысленных сюжетиков, можете даже вести дневник. Если хотите, у нас есть диски с фотографиями и видеороликами, чтобы подстегнуть вашу фантазию. Даже если вы уверены, что это вам совершенно не интересно, все равно пробуйте. Во-первых, случаются интересные открытия, о которых вы сами не подозревали, во-вторых, вы учитесь работать с прибором, он настраивается под вас. Затем, вторым этапом продвигаетесь от простого к сложному, от целого к деталям. Допустим, пикник в лесу. Нравится. Что именно? Пейзаж? Компания? Приготовленная на костре пища? Звуки природы? Кто знает, не исключено, пикник кому-то нравится только из-за возможности надеть старые любимые кеды.

Если на что-то, что кажется вам интересным или важным, прибор не прореагировал, значит, ваш интерес входит в конфликт с установками, данными при вашем воспитании, или общественными традициями, или с инстинктами самосохранения. Как такой примерчик, СОМик никогда не покажет «хорошо» на мечты о сладостях людей, страдающих лишним весом.

Третьим этапом, уже освоившись с концентрацией мысленных потоков, вы начинаете самую главную работу. Перебираете важные и приятные события из вашего прошлого. К этому времени СОМер уже настроится на ваше сознание, и вы сможете оценить насколько то или иное событие из вашего прошлого значимо для вас. Если несколько сигма-волн входит в резонанс, то это и есть та самая Зачетная Частота. Самые явственные ЗЧ приводят стрелку в красную зону. Это значит, что ваше сознание выделяет это событие как одно из самых-самых в вашей жизни. Правда, такое случается очень редко, я уже говорила. Не расстраивайтесь, если ваши ЗЧ будут отмечены только в желтой зоне.

Для полноценной работы с прибором вы должны настроиться. Никакого алкоголя! И рецепты, которые выписывали вам ранее, тоже нужно уточнить, некоторые компоненты лекарств снижают активность сигма-волн. Выбираете время, когда никто не будет вас беспокоить, отключаете телефон. Расслабляетесь, надеваете сканер на голову... Впрочем, первый пробный сеанс мы проведем вместе...

– В общем, так это выглядело, Вадим Андреевич, – сказал Вячеслав Степаныч Беригин, обращаясь к заведующему отделения психиатрии, когда они досмотрели запись до конца. – Как вы понимаете, ничего особенного. Светлана все объяснила правильно, да и вела себя весьма профессионально.

– «Правильно», «профессионально», «ничего особенного», – завотделения по фамилии Штольц, нахмурившись, сжал в руке шариковую ручку. – А пациент, между прочим, поиграв с вашим СОМером, ночью выбросился с балкона. Причем человек был публичный, известный журналист, как его... блогер... и нам за это отвечать еще и перед прессой... Сегодня мне, кстати, уже звонили первые репортеры

В кабинете воцарилось молчание. Штольц махнул рукой, и старший техник Анатолий Пономарев, поправив очки, полез отключать от монитора переносной жесткий диск.

– Хотите ли вы что-нибудь сказать относительно записи?

– А сама Светлана подойдет? А то получается, мы обсуждаем происшествие за ее спиной.

– Она тяжело перенесла этот инцидент и сейчас в нашем реабилитационном центре. Завтра ей отвечать перед комиссией, так что простим ей отсутствие.

– Да-да, конечно, – закивали присутствующие.

– Так что, будут комментарии?

– Там момент есть, – подала голос Татьяна Сигалевич, единственная женщина на этом собрании. – Мелочь, конечно, но... Света говорит «увлечение», «хобби», но это же неправильно, некорректно. Материнство, заботу о любимой, да много еще чего... разве можно назвать это хобби? Может, этого Игоря нужно было подтолкнуть искать ЗЧ среди семейных ценностей?

– У Станько не сложился брак, не было детей, – сказал Беригин. – И это один из факторов его неудовлетворенности жизнью. Мне кажется, правильно, что Светлана обошла эту нелегкую тему.

– А знаете еще, что не сказала Михалецкая? – со своего места приподнялся крупный и плечистый доктор Гранник. – Она не акцентировала внимание на том, что «звездный час» – это не только то, что уже состоялось в жизни. Нужно обязательно говорить пациенту, что его «звездный час» еще впереди.

– Мне кажется, составители методик вообще прокололись с этим «звездным часом»...

– Я бы сказал, разработчики прокололись с этим прибором, – заявил один из пожилых докторов, профессор Фишман.

– Что вы хотите сказать, Марк Ефимыч?

Профессор Фишман поерзал в кресле, пошевелил губами, словно настраиваясь.

– Что ж, Вадим Андреевич, кто-то должен произнести это вслух, – наконец сказал он. – Я позволю себе выразить мнение... мнение, как мне кажется, большинства здесь собравшихся. Основопологающим фактором трагедии стал этот самый прибор для отыскания мотиваций.

– Марк Ефимыч, я не разделяю вашего мнения, – возразил профессору его коллега Ян Красновский. – Первые СОМеры появились у нас еще в позапрошлом году. За это время уже несколько десятков пациентов провели с ними терапевтические сеансы. Прибор действительно интересный и безопасный.

– Дорогой мой, все случается однажды. И мозг человека – предмет до сих пор совершенно не изученный, чтобы делать однозначные выводы. И сами пациенты... Они зачастую преподносят немало сюрпризов. Этот Игорь Станько вообще тот еще фрукт...

– Раз уж мы коснулись личности покойного... – перехватил инициативу Штольц. – Слава, что скажешь? Это же твой изначально пациент?

Доктор Беригин приподнялся в кресле.

– Да, сначала я им занимался, потом меня пригласили читать лекции в Брюссель, и я передал его Светлане. Ну, что сказать? Выраженная психотическая симптоматика отсутствует, социально-опасные установки отсутствуют. Он нормальный мужик, этот Игорь... Был. Ну, подавлен, фрустрация, депрессия, трудная попытка излечиться от алкоголизма. Соматических заболеваний нет. Потеря аппетита, бессонница, все в легкой форме. Работа у него эмоциональная, на людях... Но никаких серьезных психозов, сильных отклонений от нормы...

– А что применяли? – поинтересовался доктор Гранник.

– Когнитивную терапию и легкие антидепрессанты.

– Ну да, чтобы броситься с 12-го этажа... Если человек без невротических отклонений... На это нужны весомые причины.

– Причина, – Марк Ефимыч красноречиво ткнул пальцем в лежащую на столе заведующего коробочку СОМера.

Завотделения сделал вид, что не заметил этого жеста.

– Ну, давайте подумаем... Мы знаем, что следов алкоголя или наркотиков в крови не обнаружили. Могли иметь место какие-нибудь посторонние обстоятельства. Телефонный звонок от бывшей жены, какая-нибудь телепередача, зацепившая за живое, веселье в соседней квартире...

– Иметь место могли. Но связь инцидента с этой, сильно извиняюсь, хреновиной просто лежит на поверхности, и это первое, с чего начнется завтра служебное расследование.

Штольц обратил свой взор на начальника отдела безопасности Виктора Палыча Кудрявцева, до этого момента скромно сидевшего в сторонке рядом с Пономаревым.

– Витя, ты что-нибудь откопал по погибшему?

Кудрявцев не поленился встать, продемонстрировав почти военную выправку.

– Полстраницы текста. В отчете приложено, – доложил он. – Из интересного – он в молодости уличными гонками занимался, пока за это уголовную ответственность не ввели. В рок-группе играл. Тоже по юности. Был у него роман с Кариной Солл, это которая актриса и

певица. Правда, источник этих данных – желтая пресса. Последние крупные интервью – у Микко Хирвонена и Дженсона Баттона.

В этом месте неприметно сидевший рядом старший техник Пономарев, оторвавшись от своего коммуникатора, удивленно присвистнул:

– Да это же гонщики первой величины!

Его реакцию в целом проигнорировали. Лишь Кудрявцев бросил на Пономарева мимолетный взгляд и продолжил:

– Бывшая жена Станько недавно издала свою книгу, что-то про эзотерику и фэн-шуй.

– Может, это всплыло?

– В беседе с Михалецкой всплывало. Он к этому спокойно отнесся.

– Может, долги?

– Вроде нет.

– Вообще азартные игры?

– Кроме бильярда, по этой теме ничего.

– А не могли его с балкона... того? – задумчиво спросил Красновский. – Помочь шагнуть?

– Мнение следователя: «однозначно суицид».

На несколько секунд в помещении воцарилась тишина. Не дождавшись очередных вопросов, Кудрявцев сел на свое место. Штольц посмотрел на Беригина.

– Слава, твое профессиональное мнение?

Тот тяжело вздохнул:

– Я тоже считаю, пациента спровоцировала работа с СОМером.

Профессор Фишман довольно крикнул, а Красновский всплеснул руками:

– Да что там в этой коробочке со стрелочкой может быть?

Техник Анатолий, на этот раз не поднимая головы от своей игрушки, хмыкнул на эти слова, и это снова не ушло от внимания начальника отдела безопасности, который сидел рядом.

– Вячеслав Степанович, – подала голос Сигалевич, – а СОМер у Станько был обычный?

– В общем... да.

– Так в общем или да?

– Ну как... Они там в институте постоянно что-то модернизируют. Каждые два месяца присылают новую модификацию, но ничего принципиального. Даже код изделия не меняется.

– Но в документации есть соответствующие записи?

– Конечно. Повышение точности определения на сколько-то там процентов.

– А если детальнее? – не унималась Сигалевич.

Беригин кивнул старшему технику.

– Толя, что скажешь? Ты должен быть в курсе.

Пономарев, отложив коммуникатор, залез в свою папку, откуда извлек помятую распечатку.

– Разработчики в этой модели увеличили частоту дифференцирования, пару коэффициентов изменили, в частности «порог общественной морали» немного уменьшился. Ну и сканирование стало доступно по кратковременному интервалу.

– И что это дало? Если простым языком?

– Раньше, чтобы прибор среагировал на воспоминания пациента, его мысли должны были охватывать период как минимум суток, а лучше двух-трех, – Пономарев не привык к такому сосредоточенному вниманию и чуть запинался, но тему явно знал. – Теперь же достаточно события протяженностью меньше часа, чтобы СОМер его засек.

– В нашем расследовании это нам что-то дает?

Техник пожал плечами – это была не его сфера. Остальные тоже не спешили высказываться.

– А вот этот «порог морали» – это что? – поинтересовался Кудрявцев.

Отвечать ему взялся Беригин.

– Там на видео, помните, Светлана объясняла методику?

– Ну?

– Пациент может отдавать предпочтение не только традиционным ценностям, как, допустим, живописная природа, красивая девушка, счастливый ребенок и так далее, но и всяким отклонениям. Явных психов и извращенцев мы, конечно, вычисляем сразу, давать таким СОМер

бессмысленно, но есть немало случаев или серьезно скрываемых человеком патологий, или вещей на первый взгляд безобидных. Тот же фетишизм, к примеру, или экстремальные виды спорта, сопряженные с риском для жизни.

– Есть хороший пример для этого, – подсказал Гранник, вливаясь в дискуссию, – охота. Вот вы, Виктор Палыч, не охотник случайно?

– Нет, не охотник. Иногда рыбачу только.

– Ну... Рыбалка – это весьма близко. Ладно, пусть все-таки охота. Так вот, человек получает удовольствие от охоты. Готовит ружье, с собачками по лесу ходит, в засаде на номере сидит... Ну и с друзьями у костра, как полагается... Ему это нравится. Но ведь охота – это процесс убийства животного или птицы... Со стороны морали – человека не погладишь по головке, ему подсознательно, или сознательно даже, нравится насилие, он стремится убить живое существо, причем не по причине голода, а из спортивного, так сказать, интереса. Но с точки зрения традиций общества – это дело обычное. А с точки зрения конкретного индивидуума, которого мы хотим вытащить из депрессии, – охота, как полноценное хобби, может дать массу положительных моментов. Так вот коэффициент порога общественной морали регулирует вот эту зыбкую границу – что такое хорошо и что такое плохо для общества и для конкретного человека.

– Вообще-то даже я, психиатр с тридцатилетним стажем, не могу понять, как в технике реализованы нравственные, можно даже сказать, философские принципы, – высказался профессор Фишман, – но как-то реализованы.

– Ну, я примерно понял, – кивнул Кудрявцев. – На «не убий, не укради, не прелюбодействуй» стрелка будет лежать. Хотя последнее... Если все, что есть у человека, – это любовь к женщине, которая по некоторым печальным обстоятельствам жена другого, – что тогда?

Он сказал это с какой-то печальной чувственной интонацией, получив в награду осторожные взгляды проницательных светил психиатрии.

– Или если самым достойным в жизни какого-нибудь вашего пациента была история, как он защитил девушку от хулиганов. Их было несколько, он смог вырубить всех, и получил от этого особенное удовольствие и благодарность от девушки. А ваш прибор проигнорирует этот подвиг, как бы сославшись на статью о применении насилия и нанесении телесных повреждений.

– Тут все сложно, Виктор Палыч. Сложно, неоднозначно... – сказал задумчиво Красновский, опустив голову на скрещенные на столе руки.

– Вот и я говорю, что только человек может понять другого человека. Машине такое не под силу, и не нужно сваливать на нее эти задачи. – Профессор Фишман продолжал быть категоричен в своих высказываниях.

– Ладно, – вздохнул Кудрявцев. – Мне кажется, мы несколько отвлеклись. Я просто в вашей тематике не силен, у меня другое направление, да и в вашем институте я относительно недавно, – он извиняющимся жестом развел руками. – Но что хочу сказать... Я понял, что этот самый коэффициент морали, о котором мы сейчас говорили, в конкретном данном СОМере ниже, чем в предыдущих версиях, да еще и запомнившееся событие может быть кратковременным. Вам не кажется это тревожным звоночком, господа?

Они поговорили еще и еще немного поспорили, но дальше беседа походила на толчение воды в ступе. Наконец, через десять минут Вадим Андреевич объявил совещание оконченным.

– Не забудьте, комиссия в десять, – напомнил он уходящим и устало потер глаза.

В холле, начальник отдела безопасности пристроился за Пономаревым и придержал его за локоть:

– Толя, притормози.

Он отвел его в сторонку, подождал несколько секунд, пока стихнут на лестнице шаги участников сегодняшнего совещания.

– Толя, мне кажется, тебе что-то известно об этом приборе.

– Да откуда, Виктор Палыч!?

– Давай-давай, выкладывай, все, что знаешь. Тебе ничего не грозит.

– Ну... То, что я слышал, – это просто слухи. Вам же наверняка известно больше.

– Почему ты так решил?

– Как почему? По должности положено! Скажите, вы меня проверяете, да?
– Ничего подобного! Толя! Колись, что знаешь?
– Ладно, – Техник вздохнул, сглотнул слюну. – Но еще раз повторяю... это так... слухи... разговоры в сети, флуд...

– Не тяни.

– В общем, поговаривают, – Пономарев отвел глаза, чувствуя себя весьма неуютно, – что СОМеры наши – лишь прикрытие для секретной разработки устройства по чтению то ли мыслей, то ли воспоминаний. Нам их подкидывают как терапевтический прибор, а на самом деле это только видимая часть айсберга. Мы их больным раздаем, а где-то там за этим экспериментом следят, а может, и данные из их мозгов тянут. То, что там лампочки и стрелочка, – это все для отвода глаз. В СОМер встроены микропередатчик, и он сливает инфу куда-то... куда надо. На борту мощный процессор и что-то вроде оперативки стоит...

– Доказательства этому есть?

– Не-а. Все СОМеры... Они ведь опечатаны. Хотя...

– Что «хотя»?

– Один чел утверждал, что стащил софтину для кодировки импульсов мозга в видеосигнал. Мол, этой штукой СОМеры расшифровывают. Предлагал мне как-то испытать ее на наших штуках.

– И чего?

– Я не стал рисковать.

– Толя! – Кудрявцев соорудил на лице укоризненную мину. – Не поверю.

– Нет, правда... Ну... не в риске, если честно, дело. Просто мы так и не собрались. Не сложилось.

– Ну, что нужно сделать, чтобы сложилось?

– Вы шутите, Виктор Палыч? Сегодня?

– Сейчас, Толя. Всю ответственность беру на себя. Сможешь своего хакера разыскать, чтобы он тебе программу переслал?

– Если его самого не позвать, он тогда денег за нее запросит.

– Запросит денег – договоримся. Но лишние нам в этом деле не нужны. Извини.

– Ну, раз так... Ладно. Но есть еще один момент...

– Говори.

– Вы уж меня простите, Виктор Палыч, не хочу свой айпишник в этом деле светить. Вдруг все еще серьезнее, чем мы предполагаем. Будет там в проге червь какой сидеть...

– Компьютер в моем кабинете, инет через мобильник. Устроит?

– Ну... Да, пожалуй.

– Значит, жду тебя со всем необходимым через десять минут. И никому ни слова!

– Виктор Палыч, вы действительно ничего такого про СОМеры не знаете?

– Нет, не знаю. Давай, действуй!

Техник убежал, оставив Кудрявцева в состоянии, близком к смятению. Впрочем, он быстро с собой справился.

Анатолий оторвался от клавиатуры, потянулся, разминая плечи. Посмотрел в окно, где уже набирали силу вязкие осенние сумерки, скосил глаза в угол экрана на часы.

– Черт! Через полчаса конец рабочего дня...

– Толя, сделай, очень тебя прошу. Я со Штольцем договорюсь, чтобы он тебе в пятницу отгул дал.

– Заманчивое предложение...

– Вот и ладушки, – Кудрявцев постарался пресечь лишние разглагольствования. – А сейчас... У меня коньяк есть.

– Да я больше по пиву...

– Настоящий компьютерщик... Извини, Толя, пива нет. Как продвигается вообще?

– С Киберджемом я договорился...

– С кем?

– С хакером, у которого програмулина есть. Три сотни, если сработает, и подробный рассказ, как все сработало. По моему, честно.

– Может, и честно, но пока комиссия здесь, никакой утечки информации. Потом... – начальник службы безопасности демонстративно скривился. – Я ведь тебе все равно ничего не смогу запретить. Так?

– Так, – согласился, улыбнувшись, Анатолий. – А деньги?

– Будут. Не вопрос! Я переведу. Ты главное – взломай эту шкатулку.

– Ладно, – Пономарев вернулся к экрану.

Кудрявцев, проинспектировав закрома своего «сейфа», где кроме початой бутылки коньяка нашлась шоколадка и пара увядших мандаринок, устроился в противоположном углу своего скромного (не в пример хоромам Штольца) кабинета. Анатолий непривычно смотрелся в его собственном кресле, за его собственным столом, вся поверхность которого была заполнена разными электронными штуками в переплетении проводов. Очки техника подсвечивались идущим от монитора сиянием, руки эпизодически пробегали по клавиатуре, потом нависала пауза, затем снова звучали удары по кнопкам и клики «мыши». Злополучный СОМ, удерживаемый на экзотичном поводке широкого интерфейсного кабеля, хищно взирал на окружающее оранжевым глазом светодиода. В том, что он виновник трагедии – вернее его создатели – Кудрявцев уже практически не сомневался.

«Знали ли вы, Виктор Палыч, что наших пациентов через наши головы используют как подопытных кроликов?»

Нет, он и вправду не догадывался. Хватало других проблем. Но вот его предшественник на этой должности... Вот он однозначно был в курсе. Скорее всего, он все это и устроил – договорился с разработчиками. Кудрявцев вспомнил какое-то замятое служебное расследование, шепот по институту про новую шикарную машину прежнего начбеза. Он еще не состоял тогда в штате...

Кудрявцев отхлебнул коньяка и подумал, что, если комиссия не снесет ему голову, нужно будет копнуть это дело поглубже. И начать с Яна Красновского, который сегодня подозрительно выступал в защиту опасного прибора...

Неожиданно в динамиках компьютера раздался рев мотора в сопровождении жесткой металлической музыки. Длилось это секунд пять. Потом стихло. Виктор Палыч с удивлением посмотрел на спрятавшегося за монитором Пономарева, чьи руки еще раз пробежались по клавише, тронули мышку, а потом кулаками подперли щеки. Едва Кудрявцев раскрыл рот, чтобы спросить, что происходит на его ноутбуке, голос подал Толя.

– Виктор Палыч, там коньяк еще остался?

Теперь они вдвоем расположились за компьютером Кудрявцева.

– Похоже, слухи про СОМеры и не слухи вовсе, – Анатолий глянул на начальника растерянно и вместе с тем настороженно. – Нас действительно пасут, Виктор Палыч. Вернее, наших пациентов. Вы, наверное, догадывались, да?

Кудрявцев отрицательно покачал головой, думая, что влез он в такое дело, что головы ему уже точно не сносить. Толя же тем временем продолжал:

– В общем, интерфейс тут какой-то уж совсем жуткий. Что я смог понять – это окно для видеоряда, тут вся справочная информация – сколько длился сеанс, во сколько начался, сколько проходов было, все параметры. Тут – перечень каких-то кодеков, их можно доустанавливать, но в чем их смысл, я не понял. На этой закладке – то, что показывает внешняя шкала прибора. На этой записи стрелка, кстати, почти подбиралась к максимуму. Вот здесь фиксируются данные трансляции. Частота, расстояние... Без усилителя, как я понял, эта штука может передавать сигнал до двух километров. Емкость оперативки, кстати, – полгига. Что интересно – прибор можно легко использовать в режиме «коробочки со стрелкой», лишь стоит нажать комбинацию из двух кнопок в определенной последовательности. И никакой записи, никакой передачи. Комар носу не подточит.

– Да!? – Кудрявцев был крайне удивлен услышанным. – Но на сеансе этого Станько СОМер работал в полном режиме?

Техник кивнул.

– А обратную связь ты там не обнаружил, Толя? Может, те, кто следят за этими экспериментами, могут и сами вмешиваться? Прислать какой-то убийственный сигнал в мозг.

Пономарев поскреб подбородок, размышляя.

- Нет. С обратной связью все алгоритмы программы иначе бы выглядели.
- Постой-ка. Михалецкая на видео объясняла, что нужно перебирать в памяти все значимые воспоминания. Они все, что ли, пишутся в память СОМера?
- Нет, запись и передача включается только при вхождении мозговых волн в желтую зону,

– Пономарев постучал пальцем по внешней стрелке прибора.

- Интересно. У этого Станько, получается, воспоминание записалось только одно?
- Да, видеоряд всего один. Но писался в 4 прохода...
- То есть?
- Этот Игорь свое воспоминание несколько раз переживал. Поэтому записалось сравнительно неплохо, со звуком. Но то, о чем он думал, происходило ночью, в дождь, и, как я понял, он был пьяный, есть искажения...
- А остальные все его мысли-наработки?
- На последнем сеансе было записано только это.
- Хорошо, Толя. Давай, жми. Не терпится увидеть, что за Звездный Час был у этого Игоря?
- Разочаруетесь. Пьяный стритрейсинг, – со вздохом объявил Пономарев и кликнул «Play».

Кудрявцев подумал, что кто уж разочаровался, так это их пациент, но вслух ничего не сказал.

Жесткий и энергичный хэви-метал рвал динамики и почти заглушал рев мотора. Темная лента пустой дороги с редкими пятнами уличных фонарей летела навстречу. Дворники работали в усиленном режиме. Машина проходила повороты на грани заноса. Адреналин и драйв чувствовался даже сквозь маленькое окошко программы.

Ощущение драйва усилилось, когда в зеркале заднего вида появились мигалки дорожного патруля и звук сирены добавил к оркестру из визга шин, рева мотора и хлесткой музыки.

Пьяный Игорь Станько уходил от погони. Неизвестно, что было в его голове, но рефлексy работали как надо. И еще ему очень везло. Из темной улочки он выскочил на проспект, где, несмотря на поздний час, движение не вымерло. Грузовик, пара легковушек, автобус – все это мелькнуло за несколько секунд безумного слалома. И снова вираж, поворот с использованием ручника, занос. Припаркованные у края дороги машины пронеслись в опасной близости. Выход из заноса. Газ в пол! Разрыв с дорожным патрулем увеличился, но красно-синие всполохи все еще маячили позади. За мостом Игорь не тормозя перелетел трамвайные пути. Перелетел почти в прямом смысле этого слова, подпрыгнув в кресле и стукнувшись головой о крышу. На записи прозвучал невнятный то ли матерок, то ли боевой клич. Приземление, недовольный всхлип подвески, череда виражей, снова вперед!

Осознание того, что это не голливудский фильм, а реально произошедшее событие, ушачало пульс двух зрителей. Фильм под названием «Вы – очевидец», снятый из самой головы...

Еще одна патрульная машина хотела перехватить его на кольце, но Игорь срезал путь через заправку, проскочив в сантиметрах от заливающего бензин таксиста, и получил фору в несколько секунд. Их хватило, чтобы нырнуть в ближайший переулок, где, распугивая сонных котов Станько, пропетлял темными дворами и снова выскочил на улицу. Здесь ему не повезло, один из двух его преследователей нашел его и крепко сел на хвост. Догонялки без явного преимущества одной из сторон продолжались до ближайшего поворота, где Игорь красивым дрифтом на мокрой дороге вошел в вираж, а патрульная машина с грохотом вылетела на тротуар. После чего в картинке что-то изменилось, она стала темнее, дорога исчезла, лишь пятна фонарей появлялись и исчезали во тьме. Звук мотора и хард-рок в колонках продолжал звучать. Кроме того, к аудиосоставляющей добавилась подпевающий голос, явно нетрезвый, – голос Игоря Станько.

Кудрявцев вопросительным жестом показал на монитор. Анатолий пожал плечами:

– Я так понял, он выключил фары.

– Безумец...

Запись шла еще с полминуты или чуть больше, но картинка в прежнем виде больше не появлялась. Потом пошли помехи. Звук поплыл и исчез. Анатолий протянул руку и закрыл программу.

– Надеюсь, Большой Брат сейчас не следит за нами...

– Мг, Большой Брат! – Задумчиво глядя в одну точку, Кудрявцев сжал кулаки. – Они там ставят эксперименты, а здесь у нас люди гибнут...

– Но, Виктор Палыч, если так разобраться... СОМер ведь свою задачу выполнил, – осмелился возразить Анатолий. – Дело было за пациентом. Вот эта гонка... Она давала понять – у него талант к вождению. Он чувствует машину, причем в любом состоянии. И именно в этом направлении нужно было искать выход из депрессии. А он...

– Ты не понимаешь, Толя! Он увидел свой «Звездный Час». По показаниям стрелки «ну очень звездный», прямо лучший в его жизни. Он проверил это четырежды, и сомнений не осталось. Его «Звездный Час» случился, когда он пьяным уходил от патруля. Без мозгов, рискуя чужими жизнями. Все! Как думаешь, для сорокалетнего мужика узнать такое – что главное в его судьбе: не первая любовь, не диплом, не свадьба, не рождение сына или дочки, не покупка квартиры-машины-дачи, не повышение на работе, а просто удачная пьяная гонка... Этим он будет оправдываться перед лицом вечности.

Виктор Палыч устало закрыл лицо руками, потирая виски и лоб. Неожиданно Анатолий вспомнил, что начальнику отдела безопасности тоже чуть за сорок.

Некоторое время они молчали, потом Кудрявцев прокашлялся.

– Анатолий, комиссия у нас завтра...

– В десять утра.

– Значит, до десяти ты свободен.

Анатолий выключил и сложил свой нетбук, убрал переходники, потянулся за СОМером.

– СОМер я положу в свой сейф. Не беспокойся, Толя. И... спасибо тебе. Все уговоры в силе.

Кудрявцев закрыл за ушедшим Анатолием дверь, прошелся туда-сюда по кабинету и вернулся к столу, на котором лежал злополучный СОМ. Вылил последние капли коньяка в рюмку. Откинулся в кресле.

Значит, Станько к самоубийству толкнула эта «шкатулка». Сомнений нет. Легковёрность пациента тоже недооценили. Другой бы просто послал эту железку подальше или по-мужски решил бы начать новую жизнь. Но с другой стороны, такой и не оказался бы на приеме... Мда, Светлане не позавидуешь...

Будет скандал. Если, конечно, члены комиссии не куплены теми, кто все это и замутил, – тогда, конечно, могут спустить на тормозах... Кто знает, может, эти люди будут и в самой комиссии. Схлестнутся два ведомства – здравоохранения и... разведки, что ли? И что? Понятно, что эксплуатацию СОМеров теперь в любом случае прекратят, их уберут из института, и будут ставить опыты на военных или на зеках. Если начнется шум, будут искать виноватых, назначать стрелочников, полетят головы. Куда ж без какого-нибудь козла отпущения у нас в стране? Интересно, отобьется ли Штольц? Быть может, и для начбеза статья найдется. Хорошо, если инкриминируют «некомпетентность». А то впаяют и «соучастие»...

Впрочем, в данный момент это занимало Кудрявцева меньше всего.

Он все время возвращался в мыслях к погибшему и к тому, что тот узнал.

И он думал – его, Кудрявцева, «звездный час»... Он тоже вовсе не такой, каким его представляешь?

Виктор Палыч глубоко вдохнул и, переведя СОМер в режим «коробочки со стрелкой», как показывал Анатолий, надел на голову обруч с датчиками...